

В. С. Соловьев

Магомет

Его жизнь и религиозное учение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
С60

Соловьев В.С.
С60 Магомет: Его жизнь и религиозное учение / В. С. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-2486-0

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы профессия.

ISBN 978-5-4241-2486-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.С. Соловьев, 2021

Владимир Соловьев
Магомет
Его жизнь и религиозное
учение
Биографический очерк
С

Предисловие

Основатель ислама называется на своем родном арабском языке *Мухаммед*, так в старину называли его и по-русски. Но в настоящем столетии вошло у нас в употребление взятое с французского Магомет. В тексте этой книжки введен мною *Мухаммед*, но на заглавном листе я должен был сохранить привычное для публики название.

Значение Мухаммеда и основанной им религии в общих судьбах человечества так важно, что писатель, занимающийся религиозной философией и философией истории, не нуждается в особом оправдании, если он, и не будучи ориенталистом, имеет свое собственное суждение о лице и деле арабского “пророка”. Но чтобы обезопасить себя от естественных в таком случае частных ошибок, я обратился за советами и указаниями к самому авторитетному из наших арабистов, который с первостепенной специальной ученостью соединяет и живой интерес к общим вопросам. Считаю приятным долгом выразить свою глубочайшую признательность академику барону В. Р. Розену за любезное участие, которое он принял в моем маленьком труде.

Главным источником для этой книжки был Коран, которым я пользовался в различных переводах, старых и новых. Из менее известных у нас переводов были мне рекомендованы бароном Розеном: Rodwell. El-Kor'an. 2 ed. Lond., 1876 и Rackert. Der Koran, herausgegeben von August Muller, 1888. Из прочитанных мною сочинений о Мухаммеде и об арабах его времени укажу только главные:

Nicolaus Cusanus. De cribratione alchoran (в собрании его сочинений).

Coussin de Perceval. Histoire des Arabes, т. 3.

Sprenger. Das Leben und die Lehre des Mohammed, т. 3.

Wellhausen. Skizzen und Vorarbeiten.

August Muller. Der Islam im Morgen- und Abendland.

Hubert Grimme. Mohammed.

Rabertson Smith. The religion of the Semites.

Для многих читателей нелишним будет заметить, что религиозное учение Мухаммеда, сохраненное в Коране и изложенное в настоящей книжке, так же не похоже во многих отношениях на позднейший ислам, или Мухаммеданство, как проповеди Шакьямуни Будды и уставы его общины не похожи на доктрины и учреждения северного (тибетско-монгольского) буддизма, или ламаизма. Несомненно, однако, что каждая из этих великих религиозных культур не есть только механическое накопление разнородных элементов, а выросла на исторической почве из живого зерна, брошенного туда гением первого основателя, с именем которого не напрасно связано все дальнейшее образование.

Владимир Соловьев

Вступление. Слоновый год

Пятьсот семидесятый год по Р. Х. был одинаково зловещим для обоих владык, в непримиримой вражде между собою разделявших тогдашний исторический мир. “Самодержец Ромеев”, Юстин II, в Византии и “Царь царей”, Хозрой Ануширван, в Ктезифоне получили оба в разной форме грозное предостережение.

Еще Юстин Старый и Юстиниан, возобновляя войну с персами, решили, для отвращения неприятельских сил, воспользоваться далеким христианским царством в Эфиопии, или Абиссинии, с которым и завязали дипломатические сношения, отчасти при посредстве духовных лиц. Сношения эти привели к тому, что негус аксумский¹, предки которого издавна стремились распространять свою власть на противоположный аравийский берег Красного моря, занял своими войсками юго-западный угол Аравийского полуострова и поставил там своего наместника, причем имелось в виду двинуться впоследствии далее, к северо-восточной Аравии, где признавалось верховенство персидского царя и находились его передовые отряды. К осуществлению этого плана в больших размерах приступил в помянутом году наместник Абиссинский Абраха, собравший огромное для тех мест и времен ополчение, со многими боевыми слонами, привезенными из Африки и составлявшими для аравитян невиданную диковину. Это войско должно было двинуться из Йемена через Хиджаз в город Ятриб и оттуда к персидской границе. В Византии знали об этом предприятии и многого от него ожидали. Но по дороге из Йемена к Персии нельзя было миновать знаменитого города Мекки, бывшего некоторым федеративным центром для большей части аравийских племен. Отворить ворота Мекки абиссинскому войску значило подвергнуть всю Аравию той участи, которая постигла ее юго-западные области, значило подчиниться чужой иноплеменной власти. Решиться на это нельзя было без боя, но попытки сопротивления в открытом поле не имели успеха: перевес организованной военной силы был на стороне абиссинцев, а главное – африканские слоны с непривычки наводили ужас на арабов и их коней. Впечатление было так глубоко, что пятьсот семидесятый год вошел в историю под названием *слонового года*. Владевшее Меккой племя корейшитов и их союзники заперлись в городе и готовились к отчаянной защите. Абиссинцы обложили священный город, но в первую же ночь в их стане проявилась страшная и неведомая болезнь, от которой большая часть людей погибла, а остальные в беспорядке бежали в Йемен, но почти все были перебиты по дороге бедуинами. Это положило конец не только дальнейшим предприятиям абиссинцев, но и самой их власти в южной Аравии и их союзу с Византией. Для греческого императора это было большое огорчение.

Но хотя персидский царь и воспользовался неудачей африканских союзников Византии и, вытеснив их из Йемена, водворил там на некоторое время свое владычество, – однако и для него 570 год был отмечен дурным предзнаменованием. В ту самую ночь, когда нечеловеческая рука истребила союзников его врага, сам он, по преданию, был поражен зловещим чудом: все священные сосуды в его дворцовом храме были опрокинуты и разбиты, и неугасимый огонь – символ верховного божества иранцев – внезапно потух.

Хоть греческий император был огорчен и смущен чудесной гибелью своих

союзников, а персидский царь был поражен и испуган чудесным падением своих богов, – ни тому, ни другому властителю не было, однако, понятно все зловещее значение для них этой ночи, ибо они не могли знать, что в эту самую ночь, в доме беднейшего из жителей Мекки, Абдаллы, сына Абд эль-Мутталибова, родился мальчик, которому было суждено создать новую духовно-политическую силу, предназначенную объединить народы Востока и покончить тысячелетнюю распрю греческого и персидского царств – разрушением обоих².

Глава I. Историческая рамка

По дороге торговых караванов, отправлявшихся из Йемена и Эфиопии в Палестину и Месопотамию через Хиджаз (между среднеаравийским плоскогорьем Неджд и Красным морем), издавна главными станциями были Макараба (Мекка) и Ятриппа (Ятриб, впоследствии Медина). Первый из этих городов был торговым и религиозным центром аравийских племен, а второй имел значение международной или, лучше сказать, междурелигиозной связи Аравии с внеаравийской исторической стихией, так как в нем, кроме двух арабских племен Аус и Хазрадж, обитало много евреев, которые, подобно туземцам, составляли целые племена, или кланы (Бену-Кейнока, Бену-Надир, Бену-Корейза), и занимали особые части города. В близком соседстве с Ятрибом (Мединой) находилась чисто иудейская колония Хейбар, а несколько далее к северу – Тейма. Отсюда Синай и Иерусалим были ближе, чем Петербург от Москвы. Таким образом, место происхождения новой религии примыкает к священным местам иудейства и христианства. Кроме этой географической связи аравийской религии с еврейско-христианским откровением есть между ними родство племени, языка и преданий. Аравия издревле населена двумя семитическими племенами, которые Библия называет сынами Иоктана (Бытия X, 25 – 30) и сынами Измаила (Бытия XXV, 12 – 16). Оба племени говорили на одном и том же языке, весьма близком к еврейскому. Северные аравитяне задолго до Мухаммеда не только назывались измаильтянами у еврейских и у христианских писателей, но и сами они усвоили библейское сказание об Аврааме, Агари и Измаиле и обогатили его местными подробностями более или менее древнего происхождения. Источник Земзем в Мекке был тот самый, из которого явившийся по молитве Агари³ ангел Господень (по мусульманской версии архангел Гавриил) напоил умиравшего от жажды Измаила; небольшой четырехугольный храм, или алтарь (Кааба), находившийся около этого источника, был, по преданию, построен самим Авраамом, пришедшим посетить своего изгнанного сына; черный камень-метеорит, вделанный в одну из стен Каабы, был тогда же принесен с неба архангелом Гавриилом; тут же вблизи был обломок скалы, на которую становился Авраам с Измаилом для молитвы – место Авраамово (Макам-Ибрагим). Тот факт, что все эти предания относились не к полувеврейскому Ятрибу и не к южной Аравии, где еврейский элемент приобрел одно время даже господствующее положение, а к Мекке, где евреи никогда не жили, решительно противоречит, на наш взгляд, предположению многих новейших ученых, будто евреи произвольно навязали арабам библейское сказание об Измаиле, не имевшее будто бы первоначально никакого отношения к арабам. Еще менее вероятно, что все это было просто выдуманно Мухаммедом. Теория Дози, по которой сама Мекка была первоначально еврейским поселением, не нашла признания в науке.

Аравийский полуостров до Мухаммеда представлял весьма пеструю картину: остатки высокой древней культуры на юге, зачатки новой цивилизации в силу внешних влияний на севере и полудикая, наполовину кочевая жизнь в середине. В южной Аравии, или Йемене⁴, расположенном между Индией и Эфиопией, за много веков до Р. Х. существовали образованные государства, о которых свидетельствуют огромные развалины великолепных храмов, дворцов и разных

культурных сооружений – мостов, водоемов, плотин, а также столбы с надписями об исторических событиях на арабском языке, но особыми письменами, которые недавно удалось разобрать ученым.

Некоторые из этих надписей, относящихся к главному из южноаравийских царств – Савскому, или Савейскому, о котором говорится в Библии, – дают твердое хронологическое указание благодаря сопоставлению их с клинообразными надписями Ассирии. А именно, и там, и здесь встречается одно и то же лицо сабейского царя или князя Итамара, или Ятаамара. Найденная в Ниневии клинообразная надпись царя ассирийского Саргона, относящаяся к 715 году до Р. Х., извещает, что этот царь получил от Итамара Савейца дань: золото, травы восточной земли, рабов, коней и верблюдов; а многие из южноаравийских надписей говорят об Ятаамаре, князе Савейском.

Падение этих южноаравийских царств, имевшее, как мы увидим, влияние на возникновение новой религии, произошло во II веке по Р. Х. и обусловлено было извне двумя главными причинами. Во-первых, после основания Александрии, особенно же с возвышением Рима, великий торговый путь из Индии в Средиземноморские страны перестал проходить через Йемен (сухим путем), а отклонился к западу (Красным морем), так что царство Савское со своим главным городом Ма'рибом, процветавшее прежде как центральный этап этого великого пути, осталось от него в стороне и пришло в упадок. Доконало его другое бедствие случайного характера, но скоторым ослабевшее царство уже не могло справиться. Огромная каменная плотина около Ма'риба, остатки которой сохраняются и теперь, рушилась от землетрясения. Между тем, это древнее сооружение было после международной торговли вторым главным условием благосостояния Савского царства: плотина задерживала накапливавшиеся в горах воды и позволяла распределять их сообразно нуждам земледелия. Таким образом, это разрушение плотины, навсегда запечатлевшееся в национальной памяти арабов, не только уничтожило наводнением главный город Савского царства, но и у сельского населения отняло средства к существованию; страна, уже обедневшая вследствие упадка торговли, стала теперь жертвой стихийных сил и лишилась возможности прокармливать свое густое в то время население. Многие племена арабов-токтанидов двинулись на север, в область измаилитов; одно из них – племя Хозаа овладело Меккой и отняло у господствовавших там прежде корейшитов заведование Каабой. Оставшееся население Йемена вошло в состав нового государства Химьяр (Гомериты), которое просуществовало несколько веков, но в богатстве и могуществе никогда не могло сравниться с древним Савским царством. Князья и часть населения этого Химьярского государства исповедовали одно время еврейскую веру, как было у наших хозаров.

Пока на юге разрушались остатки древней аравийской культуры, на северных окраинах полуострова, под влиянием персидской и греко-римской цивилизации, кочевые арабы переходили более или менее к оседлости и даже к государственности. На северо-востоке, в низовьях Евфрата, образовалось со столицей Хира и династией Лахмидов арабское государство, ставшее в вассальные отношения к новоперсидскому царству Сассанидов; а на северо-западе, близ пределов Палестины, династия Гассанидов управляла окрестными арабами в зависимости от сирийского наместника ромейского императора. Здесь, таким образом, влияние обеих великих держав Востока уравнивалось; в южной Аравии они вступили-

ли в борьбу за преобладание, которая имела переменный успех и была упразднена лишь появлением ислама. Мы видели (см. вступление), какую роль в этой борьбе имела Абиссиния и как ее войско, предназначенное против персов, внезапно погибло перед Меккой.

Тяготившиеся абиссинским игом химьярские князья в Йемене, ободренные неудачей своих завоевателей под Меккой, решили восстать и послали одного из своих к персидскому царю Хозрою Ануширвану просить о помощи против абиссинцев-христиан, союзников Византии. Царь послал в Йемен войско под начальством полководца Вахриза, который двукратно разбил абиссинцев, изгнал их из Аравии и утвердился сам в городе Санае как наместник великого царя над туземными князьями.

Но дни персидского, так же как и византийского, владычества в Аравии были уже сочтены. В Мекке родился человек, через которого исполнились древние обетования Божии об Исмаиле, предке его: и рече ей (Агари) ангел Господень: “умножая умножу семя твое и не сочтется от множества: се ты во чреве имаши и родиши сына и наречеши имя ему Исмаил (*Ишма эль* значит “услышал Бог”): яко услыша Господь смирение твое. Сей будет селный человек, и *руце его на всех и руки всех на него, и пред лицем всея братии своя вселится*” (Бытия XVI, 10 – 12). “О Исмаиле же се послушах тебе: и се благослових его, и возвращу его, и умножу его зело: дванадесать языки родит и дам его в язык велий” (Бытия XVII, 20; см. также XXI, 13, 18).

Родители Мухаммеда принадлежали к измаилитскому племени корейшитов, господствовавших в Мекке еще до Рождества Христова. Во II веке до Р. Х., вследствие упомянутой катастрофы в Йемене, принудившей жителей этой страны к выселению, племя Бену-Хозаа, придя с юга, овладело окрестностями Мекки, а потом и самой Меккой, отняв у корейшитов заведование храмом. Это племя хозаитов, как и прочие южноаравийские племена, было гораздо более склонно к фетишизму и натуралистическому многобожию, нежели северяне-измаилиты, и водворение хозаитов в Мекке, без сомнения, усилило здесь идолопоклонство и способствовало косвенным образом той монотеистической реакции, которой победоносным представителем впоследствии сделался Мухаммед.

Мекка издавна была, по выражению Вельгаузена, “перекрестным пунктом в вихре внутренних народных переселений арабов. Многие народные наслоения легли на этой почве и оставили свои следы в различных святилищах и связанных с ними божьих именах”.

Город обязан был своим возникновением, говорит тот же ученый, без сомнения, своему святилищу, которое, в свою очередь, основалось на этом месте, вероятно, благодаря источнику Земзем. Хотя мусульманское предание преувеличивает *исключительное* значение Каабы, но, во всяком случае, почитание этой древней святыни было широко распространено, и о ее значении свидетельствуют уже обширные размеры священной ограды (*хорам*). Мекка и ее окрестности были местом паломничества в великий годовой праздник (хадж) в священные месяцы перемирия для аравийских племен. С религиозным движением толпы соединялись, как всегда бывает, социальные и торговые сношения. К хаджу приурочивались ярмарки в ближних к Мекке местечках (Указ, Мина и др.), но главное значение оставалось за Меккой как самым большим городом на всем полуострове. Раньше ислама меккийский календарь уже был принят в большей

части Аравии.

Понятно, что корейшиты не мирились с потерей своего преобладания в Мекке, и святилище мира сделалось яблоком раздора для двух племен. Наконец, в V веке, по преданию, один из предков Мухаммеда сумел вернуть своему роду хозяйские права над Каабой тем же способом, каким его древний родич Израиль приобрел права первородства от своего простодушного брата.

Лет за полтораста до Мухаммеда между племенами, переселившимися из Йемена в северную Аравию, было небольшое племя Озра, поселившееся недалеко от Ятриба (Медины). “Как-то спрашивали одного бедуина: какого ты племени?” “Я — из тех людей, — отвечал он, — которые умирают, когда любят”. Слышавшая это женщина воскликнула: “Он Озрит, клянусь Богом!” Ибо Бену-Озра, — замечает арабский историк, — славятся по всей Аравии своей безмерной страстностью в любви”. Из этого племени одна девушка Фатима вышла замуж за корейшита Килаба и родила в Мекке двух сыновей. Вскоре овдовевши, она вернулась с младшим сыном к своему племени в Ятриб, вышла там вторично замуж за соплеменника и родила ему сына Ризаха, который и воспитывался вместе с братом своим. Этот последний, как приведенный из другого племени, получил между озритами прозвание Косай, что значит выходец; с этим названием он и остался в истории.

Некоторые новейшие историки (между прочим, и Август Мюллер) не считают Косая историческим лицом, не приводя, однако, убедительных оснований для своего скептического взгляда, с которым я позволю себе не согласиться. Деда Мухаммедова Мутталиба те же ученые не признают мифом, а ведь этот исторический дед только двумя поколениями был отделен от предполагаемого мифологического Косая. Хотя нет закона, определяющего, на какой степени восходящего родства наши действительные предки превращаются в мифы, однако можно принять за общее правило, что увековеченный в народной памяти *прадед* исторического лица не может считаться чистым мифом.

Достигши зрелого возраста, Косай вернулся в дом отца своего в Мекку, но и оттуда поддерживал добрые сношения с племенем матери и отчима. В Мекке в то время старейшим вождем хозайтов, владевших Каабой, был Холейль, у которого в руках находились и ключи от святилища. Косай с ним сошелся и женился на его дочери. Он надеялся, что тесть усыновит его и передаст ему ключи Каабы, но тот, хотя при жизни позволял ему иногда замещать себя в священной должности, однако опасался обидеть соплеменников и, умирая, передал ключи старейшему из Бену-Хозаа — Абу-Губшану. Но Косай не отказался от своего намерения и решился для исполнения его воспользоваться слабостью соперника. Однажды он напоил Абу-Губшана пьяным, и, когда тот в полусознательном состоянии стал требовать еще пить, Косай предложил ему мех с вином в обмен за ключи от Каабы, на что тот охотно согласился. С тех пор и до сего дня всякая сделка, в которой кто-нибудь сильно одурачен, называется у арабов торгом Абу-Губшана, а чтобы выразить крайнюю степень слабоумия, говорят: “он глупее, чем Абу-Губшан”.

Однако хозайты не хотели быть жертвой этой образцовой глупости своего соплеменника и подняли оружие в защиту своих прав. Чтобы обеспечить себе победу, Косай обратился в Ятриб к сводному брату своему Ризаху, который привел ему на помощь всех Бену-Озра. Соединившись с ним, корейшиты одоле-